

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 243–254

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 243–254

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-243-254>

Научный обзор

УДК 330.8

Современная скандинавская «Сага о политической экономии»: «Against the Stream. Critical Essays on Economics» Гуннара Мюрдаля

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. Введение. Предлагается постановка вопроса об оригинальном понимании фундаментальной экономической науки как политической экономии, представленном Гуннаром Мюрдалем в книге «Против течения. Критические очерки экономики», которую можно рассматривать под определенным углом зрения как современную скандинавскую «Сагу о политической экономии». **Герменевтический анализ.** Парадигмальная концепция Г. Мюрдаля на основе понятия «истеблишмент экономики» была содержательнее современного применения термина «мейнстрим» для характеристики господствующего течения экономической мысли. Теоретико-методологическое обоснование научной гипотезы о периодическом возникновении кризисов и формировании циклов эволюции экономической науки позволило объяснить хронологию цикла восхождения и заката парадигмы кейнсианства переменами в экономике и обществе. Аргументация в пользу институционального подхода побудила к фундаментальному выводу о целесообразности возвращения экономической науке первоначального названия «политическая экономия» и восстановления ее духовно-нравственного, ценностного измерения. Г. Мюрдаль поставил под сомнение и опроверг традиционное абстрактное предположение о конфликте между экономическим ростом и эгалитарными реформами, за которые надо обязательно платить высокую цену падения производительности народного хозяйства, предложил понятие «созданная гармония» для характеристики современного государства всеобщего благосостояния. **Заключение.** Интерпретация научной монографии «Against the Stream. Critical Essays on Economics» в стиле скандинавской «Саги о политической экономии» добавила множество весьма интересных деталей, суждений, пояснений, которые содержательно дополнили теоретико-методологический подход, показала возможность изучать, исследовать и излагать историю экономической мысли в привлекательном литературном стиле без ущерба для глубины и полноты приобретаемого знания. **Ключевые слова:** политическая экономия, Гуннар Мюрдаль, кейнсианство, институционализм, скандинавская сага

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Современная скандинавская «Сага о политической экономии»: «Against the Stream. Critical Essays on Economics» Гуннара Мюрдаля // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 243–254. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-243-254>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Scientific review

**A modern Scandinavian “Saga about political economy”:
“Against the Stream. Critical Essays on Economics” by Gunnar Myrdal**

G. A. Cheremisinov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Abstract. Introduction. It is proposed to pose the question of the original understanding of fundamental economic science as a political economy, presented by Gunnar Myrdal in the book “Against the Stream. Critical Essays on Economics”, which can be regarded from a certain point of view as a modern Scandinavian «Saga about political economy». **Hermeneutic analysis.** G. Myrdal's paradigm concept, based on the concept of “establishment economics” was more meaningful than the modern use of the term “mainstream” to characterize the dominant flow of economic thought. The theoretical and methodological substantiation of the scientific hypothesis about the periodic emergence of crises and the formation of the economic science evolution cycles made it possible to explain the chronology of the Keynesian paradigm ascent and decline cycle by changes in economy and society. The arguments in favor of the institutional approach prompted a fundamental conclusion about the advisability of returning economic science to the original name of political economy and restoring its spiritual, moral, value dimension. G. Myrdal questioned and refuted the traditional abstract assumption about the conflict between economic growth and egalitarian

reforms, for which one must pay a high price such as the national economy productivity decline, proposed the concept of “created harmony” to characterize the modern welfare state. **Conclusion.** The interpretation of the scientific monograph “Against the Stream. Critical Essays on Economics” in the style of Scandinavian “Saga about political economy” added a lot of very interesting details, judgments, explanations that substantively complemented the theoretical and methodological approach, showed the opportunity to study, research and present the history of economic thought in an attractive literary style without sacrificing depth and completeness of acquired knowledge.

Key words: political economy, Gunnar Myrdal, Keynesianism, institutionalism, Scandinavian saga

For citation: Cheremisinov G. A. A modern Scandinavian “Saga about political economy”: “Against the Stream. Critical Essays on Economics” by Gunnar Myrdal. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 243–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-243-254>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

*Светлой памяти
Виктора Тимофеевича Рязанова
посвящается*

Введение

В последнее время российские ученые активно обсуждают вопрос о целесообразности возвращения экономической теории ее прежнего названия «политическая экономия». Нынешняя ситуация в отечественной экономической мысли напоминает зеркальное отражение острых дискуссий конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда нарастание критики «марксистско-ленинской» политической экономии завершилось отказом от нее официальными властями и адептов господствовавшего учения, утверждением в научной среде мейнстрима «экономикс» в виде ортодоксального либерально-рыночного фундаментализма под названием экономической теории. Соответственно, современная полемика, в явной или неявной форме, предполагает понимание фундаментальной экономической науки как политической экономии в марксистской традиции [1]. Тридцатилетний период использования экономической теории в формате «экономикс» в качестве идеологии и инструментария государственной политики ознаменовался деградацией народного хозяйства России и нарастанием социальных противоречий, создал благоприятную среду для возрождения и распространения радикального марксизма. Дополнительным аргументом в пользу марксистской версии политической экономии служит успешный опыт экономического развития СССР в условиях официальной марксистско-ленинской идеологии.

Однако возможно иное, отличное от марксистского мировоззрения и рикардианско-маршаллианской традиции понимание фундаментальной экономической науки как политической экономии, изложенное в книге выдающегося шведского экономиста Гуннара Мюрдала «Against the Stream. Critical Essays on Economics» – «Против течения. Критические очерки экономикс (экономической науки)» [2]. Монография Г. Мюрдала представляется шедевром не только в содержательном смысле, но и в литературной обработке.

Научное издание «Against the Stream» можно рассматривать под определенным углом зрения как современную скандинавскую «Сагу о политической экономии».

В литературоведении сагой именуют древнее скандинавское эпическое сказание, народное предание, повествующее о реальных героях-викингах и происходивших событиях. Понятие «сага» используется не только для названия легендарно-исторических литературных памятников, но оно также употребляется, часто в метафорическом или ироническом смысле, для обобщающего определения повествовательных литературных произведений разных стилей и эпох, жизненных историй. По канону саги представление действующих лиц сопровождается хронологическим рассказом об основных событиях: конфликтах, распрях, правлении властной иерархии. Духовный мир и эмоции персонажей саги представляются лаконично и сдержанно.

Саге присущи основные свойства эпоса как особого рода литературы: широта охвата событий частной и народной жизни; раскрытие человеческих характеров в процессе действия сюжета; беспристрастность повествования и объективность отношения автора к персонажам и изображаемому миру посредством выбора художественных деталей. В эпических жанрах образ рассказчика играет уникальную роль наблюдателя, участника или героя, говорящего о событиях и персонажах, но обособляющего себя от происходящего. Эпос свидетельствует о манере говорить и складе ума повествователя, насыщен религиозно-нравственными ценностями, подвигами, афоризмами, шутками, житейской мудростью.

Герменевтический анализ

Почти все перечисленные выше литературно-повествовательные признаки саги, в прямом смысле, а также в виде метафор или реминисценций, можно обнаружить в книге Г. Мюрдала «Against the Stream». Тональность и смысл высказанных во введении рассматриваемой публикации авторских замечаний дают повод для подобного рода суждений.

Собранные в монографию ранее написанные по разным проблемам статьи сложились в «легендарно-исторический литературный памятник», эпическое предание, повествовавшее о реальных персонажах, о событиях и участии в них сказителя – «славного викинга», который представлялся в ролях героя, участника или наблюдателя происходившего.

Оглядываясь на свои прожитые годы, Г. Мюрдаль утверждал, что его больше интересовали проблемы, с которыми он как ученый разбирался, накапливая личный опыт, чем возникавшие ситуации и встречавшиеся люди. Поэтому книгу «Against the Stream» ее автор считал приемлемой заменой мемуаров, которые он никогда не сможет написать из-за недостатка времени [2, p. v–vi].

Эпос скандинава рассказывал хронологически последовательно об основных событиях в экономике и об исторических процессах в экономической мысли, акцентируя внимание на их драматургии: конфликтах и смене правящей властной иерархии, – свидетельствовал о манере говорить и складе ума повествователя. В подзаголовке своей монографии Г. Мюрдаль назвал очерки «критическими», поскольку критически воспринимал многие подходы и теории, преобладавшие в современных трудах по экономике [2, p. vi–vii].

Полемической настрой «героя-викинга» передавали его извинительные экивоки: «Я надеюсь, что мой откровенный и раскованный стиль, который давно вошел в закоренелую привычку, будут терпеть мои читатели, поскольку прогресс в социальных науках пролегает через противоречия, которые следует заострять, а не вуалировать» [2, p. viii].

Успешность научного творчества ученого-экономиста во многом определяется возможностью независимо формировать и высказывать личное мнение по всем исследуемым проблемам и свободно выбирать вектор теоретического дискурса среди различных течений экономической мысли. Подтверждает высказанное суждение «скандинавская сага» – монография «Against the Stream», ставшая своеобразным «манифестом» – программным обоснованием и защитой теоретико-методологической позиции Г. Мюрдаля посредством фундаментальной аргументированной критики альтернативной концепции стандартной экономической науки – экономикс.

Начало «Against the Stream» выглядело типичным зачином фольклорного произведения, знакомившим с персонажами, местом их действия, временем происходивших событий. «Легендарный викинг» рассказывал об экономической науке как о поприще, на котором он под-

визался вместе с другими действующими лицами, охватывая временной горизонт экономической мысли с XVIII в. Рассказчик объяснял свою роль в развитии сюжета «скандинавской саги» (эволюции экономической науки) посредством выбора художественной детали – метафоры «истеблишмент экономикс».

Концепция Г. Мюрдаля была глубже, содержательнее, нежели современное официальное применение термина «мейнстрим» для характеристики и поддержки господствующего течения экономической мысли, для вуалирования скрывающихся за ним интересов бенефициариев-теоретиков под видом ценностно-нейтральной научной школы. Шведский ученый предложил понятие-метафору «истеблишмент экономикс», которое можно интерпретировать разнообразно и широко: как доминирующую в тот или иной период парадигму экономической мысли; как элиту, руководящую верхушку сообщества экономистов; как корпус ученых-приверженцев преобладающего направления экономической теории. По мнению повествователя, кроме адептов «истеблишмента экономикс» в среде экономистов всегда есть аберранты (отклоняющиеся от нормы, сбившиеся с правильного пути), а иногда даже появляются откровенные бунтари (мятежники) [2, p. 1]. Обозначенная дихотомия дала возможность Г. Мюрдалю объяснить свой выбор позиции ратоборца-критика распространенных современных теорий и подходов экономикс, предложить оригинальную концепцию периодически возникающих кризисов в циклическом развитии экономической науки.

Сторонники доминирующего образа экономической мысли формируют истеблишмент; их сочинения признаются престижными. Они цитируют друг друга и обычно никого из иных; меньше всего бунтарей-ученых, которые осмелились подвергнуть радикальному сомнению подходы и теории, объединяющие экономистов истеблишмента. Они создают вокруг себя изолированное пространство. Внутри своей группы некоторые исследователи пользуются всеобщим авторитетом, а тысячи менее знаменитых их коллег добиваются статуса принадлежности к истеблишменту и лояльно трудятся в его рамках. То же самое происходит и в других общественных науках, однако в экономической теории стремление к конформизму особенно сильно [2, p. 1].

Ценятся новаторство и оригинальность дополняющего и корректирующего типа. Допускается наличие некоторых разногласий и споров, не касающихся основной структуры устоявшихся подходов и теорий. То, что дает статус в академическом мире и открывает места в научно-ис-

следовательских и учебных заведениях нашего ремесла, а также возможности консультировать правительства, организации и бизнес, обязывает действовать в пределах установленного образца и демонстрировать сообразительность и изобретательность, приукрашивая его. К материальным вознаграждениям следует добавить влияние традиций, поскольку самые сильные корыстные интересы коренятся в образе мышления и предубеждениях. Влиятельные социальные, экономические и политические интересы и предубеждения служат важным звеном механизма причинно-следственных связей, который удерживает вместе экономистов истеблишмента и стремится увековечить их доминирование [2, р. 2–3].

Объяснение смыслового значения понятия-метафоры «истеблишмент экономикс» «сказитель» завершал введением в научный оборот наполненного житейской мудростью великолепного афоризма «оппортунистическое (выгодное) невежество». Скандинавский ученый писал, что всякое знание, как и всякое невежество, имеет тенденцию становиться оппортунистическим, если не подвергается критическому пересмотру. Истеблишмент отчаянно защищает себя от такой проверки, игнорируя как можно дольше возможную критику извне своей узкой группы [2, р. 3]. По этой причине создаются предпосылки выгодного, удобного оппортунистического невежества.

Однако конформизм согласованной ортодоксальности время от времени нарушается. Изменения в обществе инициируют кризисы и последующие сдвиги исследовательских подходов в экономической науке. Периодически случаются кризисы подразумевают упразднение господствовавшей парадигмы истеблишмента до появления новой ортодоксии. Наблюдается тенденция циклического развития экономической мысли [2, р. 3].

Теоретико-методологическое обоснование научной гипотезы о периодическом возникновении кризисов и формировании циклов эволюции экономической науки было переходом к описанию поприща, на котором начал подвизаться молодой отважный викинг-экономист, к определению исторических рамок повествования. Г. Мюрдаль доходчиво объяснил хронологию цикла восхождения и заката парадигмы кейнсианства переменами в экономике и обществе.

Тяжелая экономическая ситуация с массовой и хронической безработицей в Великобритании в 1920–1930-х гг. и Великая депрессия в США с начала 1930-х гг. обусловили реорганизацию рынка труда и структуры политической власти, усилили влияние наемных рабочих и граждан с низкими доходами. Социально-экономические

и политические потрясения спровоцировали кризис в экономической науке, проявившийся в виде литературного нонконформизма. Кейнсианская революция свершилась благодаря распространению книг и статей многих ученых, а не только Дж. М. Кейнса. Новая научная парадигма оправдывала теоретическую рационализацию изменившихся политических настроений и осуждала приверженность экономистов закону Сэя, государственную политику невмешательства в экономику, преобладавшие в обществе предубеждения и интересы [2, р. 3–5].

Циклическую динамику экономической науки Г. Мюрдаль изучал и переосмысливал на собственном жизненном опыте, делая смелые шаги в постановке и обсуждении серьезных теоретико-методологических проблем. Выбор личной позиции ученого служил основой для оценочных суждений об эволюции альтернативных течений экономической мысли и ее истеблишмента. Оригинальным было «театрально-образное» моделирование взаимодействия научных школ в концепции развития экономической мысли, начинавшееся с предположения, что набор подходов и теорий, «которые доминируют на сцене» и образуют истеблишмент, всегда сосуществует с альтернативными теориями и подходами [2, р. 1]. Значит, авторская концепция допускала вероятность появления и выхода на сцену новых направлений экономической мысли, отступления на второй план, ухода со сцены и возвращения в обновленном виде на передний край «театральных подмостков» ранее господствовавших научных школ. Поводом для таких «сценических» передвижений служила смена «декораций» по ходу экономической, политической и социальной истории.

Активная позиция повествователя помогла Г. Мюрдалю воспользоваться традициями «скандинавского экономического эпоса» – оригинальной шведской школы экономической мысли, которая обычно выделялась своей «инаковостью» в сопоставлении с англо-американскими традициями экономической науки, и более глубоко, по сравнению с кейнсианской революцией, рассматривать цикличность изменений экономикс на длительном историческом фоне.

Шведский экономист рассказывал, как в конце 1920-х гг., находясь на «теоретической» стадии своего «личного развития», впервые прибыл в Америку в статусе стипендиата Рокфеллеровского фонда. Там он познакомился с «ветром будущего» – институциональной экономикой Т. Веблена, Дж. Коммонса и У. Митчелла, не скрывая критического отношения к «новой ориентации экономической науки» [2, р. 6].

Но бравую устремленность к институциональному подходу пресекла всемирная экономическая депрессия. Институционалисты оказались в замешательстве, столкнувшись с великим бедствием, а экономисты «теоретической» школы, привыкшие рассуждать в терминах упрощенных макромоделей, справились с ситуацией и в русле кейнсианской революции приспособили свои теоретические модели к нуждам времени, обеспечив победу более широкому «теоретическому» подходу [2, р. 7].

Но даже будучи «теоретическим» экономистом, Г. Мюрдаль изначально пошел «не в ногу», выбился «аберрантом» из единого строя, опережая истеблишмент вместе со своими шведскими соратниками. Суждение патриотически настроенного скандинава о происходивших новациях звучало оценочно красноречиво: кейнсианская революция была в основном англо-американским событием. В Швеции работы Дж. М. Кейнса воспринимались как интересный и важный вклад в традиционную мысль, но не как революционный прорыв. Шведские экономисты были поражены тем, что А. Пигу, под руководством которого работал Дж. М. Кейнс на кафедре политической экономии в Кембридже, понадобилось двадцать лет, чтобы понять это. Обладание теорией К. Викселля позволило им в Швеции немного обогнать англосаксонских коллег в представлении новой теории и разработке руководящих принципов экономической политики [2, р. 5].

Теория Дж. М. Кейнса была вовсе не «общей», как предполагало название известной книги англичанина. Односторонний кейнсианский подход уступал разработанной ранее концепции К. Викселля – более общей теоретической модели, использовавшей понятие монетарного (кредитно-денежного) равновесия, от которого мог отклоняться кумулятивный процесс: либо на инфляцию, либо на дефляцию [2, р. 17].

Научные достижения К. Викселля с конца XIX в. благоприятствовали возникновению традиций шведской школы «экономического инакомыслия», которая превосходила стандартный мейнстрим экономики по скорости постановки, глубине, конкретности и содержательности решения теоретико-методологических и практических проблем. О славных подвигах экономистов-викингов, подвизавшихся на поприще реформирования национальной социально-экономической системы и экономической политики государства, эпически повествовала в соответствии с форматом скандинавской саги книга «Against the Stream».

В начале 1930-х гг. молодые ученые Стокгольмской школы Г. Мюрдаль, Э. Линдаль,

Б. Олин смогли дать рациональное теоретическое обоснование новой шведской экономической политики. В те времена, названные «годами высокой теории», общий интерес скандинавов заключался в прекращении дефляции и возобновлении роста цен, в создании условий для прибыльного ведения бизнеса, увеличения инвестиций и более полной занятости населения посредством крупномасштабных государственных инвестиций и несбалансированного бюджета, вынужденной девальвации валюты, улучшения внешней торговли и наращивания экспорта. Швеция быстро выбралась из глубокой депрессии при помощи эффективной экономической политики, которая руководствовалась теорией, разработанной отважными специалистами. Лаконично резюмируя рассуждения и эмоционально сдержанно обращаясь к читателю, Г. Мюрдаль писал: «В приложении к бюджету в январе 1933 г. я дал теоретические обоснования экспансионистской политики в терминах, которые вы теперь назвали бы кейнсианством» [2, р. 7–8]. Вот так главный герой эпического сказания «Against the Stream» совершил новаторский прорыв в экономической науке и политике на три года раньше публикации знаменитой «Общей теории» Дж. М. Кейнса.

Но оказавшись «кейнсианцем» прежде самого «гуру», Г. Мюрдаль не задержался в толпе адептов нового течения экономической мысли, ушел своим путем в направлении концепции институционализма и с альтернативных теоретико-методологических позиций здраво рассматривал эволюцию очередной ортодоксии мейнстрима стандартной экономической науки.

Интерес Г. Мюрдаля к институционализму возник в 1930-е гг., когда в Швеции началась эра социальных реформ. Изучение вопроса равенства в распределении показало ограниченность общей теории в «экономических» терминах, которая позволяла решать проблемы равновесия и роста во время Великой депрессии. В анализ необходимо было включать все «неэкономические» факторы – политическую, социальную и экономическую структуру, институты и устои, межличностные отношения. Столкнувшись с новыми проблемами, ученый-викинг, бывший в юности пламенным «теоретическим» экономистом, стал зрелым институционалистом [2, р. 10–11].

Переориентацию исследований на институциональную экономику вызвало обострение политической значимости вопроса равенства, ибо эгалитаризм затрагивал комплекс отношений между социальными группами внутри государств, между бедными и богатыми странами. Проблема равенства была взаимосвязана со многими макроэкономическими проблемами:

производительностью, структурной безработицей, доходами, кредитно-денежной, фискальной, социальной политикой [2, р. 11, 12, 14].

Г. Мюрдаль, со свойственным героям саги мужеством, основательно и аргументированно дал взвешенную критическую оценку кейнсианства как истеблишмента экономикс. Внезапное сокрушение институциональной школы и мощное усиление «теоретического» подхода в экономической науке предопределили успех кейнсианской революции. В лихолетье Второй мировой войны, когда люди привыкли к огромным государственным расходам, не осознавая, что они оплачивались за счет увеличения налогообложения и уменьшения частного потребления, кейнсианская парадигма превратилась в истеблишмент экономикс. Финансирование связанных с войной затрат решило проблемы безработицы и депрессии в экономике США, с которыми не смогла справиться некейнсианская или недостаточно кейнсианская политика Нового курса [2, р. 19].

После войны отношение к государственным расходам кардинально изменилось. Во многих странах ощущалась потребность в колоссальных затратах инвестиционного типа на восстановление экономики, развитие инфраструктуры, расширение государственных услуг в социальной сфере, вооружение. Сохранившаяся как наследие военного времени модель фискальной политики обеспечивала рост налоговых поступлений, но их постоянно не хватало для полной оплаты увеличившихся расходов за счет ограничения роста частного потребления. Провал в фискальной политике был главной причиной инфляционного развития и стагнации экономики. Ускорению инфляции и замедлению экономического роста способствовала мягкая кредитно-денежная политика [2, р. 19–20].

Став истеблишментом экономикс, кейнсианство долгое время препятствовало приспособлению теории к новой реальности, ведь быть «позади своего времени» – регулярная методологическая слабость мейнстрима экономической науки. Излишне предвзятый кейнсианский подход предполагал нормальной тенденцией всякой экономики склонность к депрессии с безработицей и дефляцией, поэтому в 1970-х гг. под натиском проблем стагфляции в развитых странах он уступил место доминирующему направлению экономикс монетаризму [2, р. 17, 29].

На стадии завершения кейнсианского цикла истеблишмента Г. Мюрдаль опять оказался в стороне от столбовой дороги экономической мысли, доказывая своим научным творчеством необходимость возрождения случайно прерван-

ного в 1920-х гг. институционализма. Концепция циклического развития экономикс подразумевала, что тот, кто не идет в ногу с основным трендом, может рассматриваться либо как отсталый человек, либо как человек, опережающий свое время, указывающий путь движения тренда. Шведский ученый твердо верил во второе и надеялся, что эволюция экономической науки в институциональном направлении ретроспективно представит сложную доминировавшую теорию как преходящую, поверхностную и бесполезную аберрацию. Не прельстившись престижными «эзотерическими» теоретическими конструкциями в терминах экономических факторов и абстрактной теории благосостояния, скандинавский исследователь без всякого намерения стал «бунтарем», последовав в противоположном общему циклу направлении [2, р. 11].

Отважный викинг-экономист был не одинок в стремлении заниматься разработкой альтернативной стандартному мейнстриму научной парадигмы. В частности, его соратником подвизался храбрый американский ученый Дж. К. Гэлбрейт. Такой поворот сюжета сопровождался раскрытием характеров героев эпоса. Г. Мюрдаль делился сдержанными эмоциями: «Мне хорошо известно, что меня часто считают не принадлежащим к профессиональным экономистам истеблишмента, хотя иногда отдают должное тому, что я сделал в течение первого десятилетия моей трудовой жизни. Меня даже называют социологом. И под этим экономисты обычно не подразумевают ничего лестного. С другим единомышленником-бунтарем Дж. К. Гэлбрейтом, который пишет на прекрасном и убедительном английском языке, часто обращаются еще более грубо, когда коллеги классифицируют его как журналиста. Но мы настаиваем на том, что остаемся экономистами» [2, р. 14–15].

Осознанное противопоставление Г. Мюрдалем себя истеблишменту экономической науки воспринимается как кульминация повествования, раскрывающая смысл названия книги «Against the Stream» – публичное выступление против основного течения (mainstream) современной экономической мысли, воплотившееся в «Critical Essays on Economics» – критических очерках экономикс.

Принимая вызов представителей истеблишмента экономической науки, шведский ученый-рабоборец резко отвечал на выпады оппонентов, «не лез за словом в карман», украшая эпическое сказание оригинальными художественными деталями. Истеблишмент экономикс, претендовавший на строгую, точную и тщательную логику доказательств, Г. Мюрдаль порицал за слишком частую

систематическую небрежность в предполагаемых допущениях и концепциях, логическую непоследовательность, за несоответствие действительности. В усложняющемся обществе очень крупные, многонациональные корпорации превращались в конгломераты, укреплялись и росли организации, и не только на рынке труда, регулировались цены и т.д. Посему унаследованные категории нашей науки, выраженные в терминах рынков и агрегатов, становились все более не адекватными исследуемой реальности [2, р. 12, 13].

Г. Мюрдаль был разочарован общей приверженностью к упрощенной модели мышления и наглядно продемонстрировал теоретико-методологическую ущербность современной стандартной экономической науки, намеренно заостряя до противоречия различия между парадигмой своего концептуального видения и канонами истеблишмента экономикс.

Изучая послевоенную инфляцию, экономисты в посткейнсианской традиции обычно полагались на чрезмерно упрощенные модели, например, напрямую связывали безработицу с динамикой цен и увеличением заработной платы (кривая Филлипса). Спонсируемая Милтоном Фридманом примитивная количественная теория денежного обращения (монетаризм) хотя и получила широкое признание, также не может быть правильной, поскольку исключила рассмотрение многих «экономических» факторов, которые учитывал даже простой кейнсианский подход. Исследования должны содержать углубленный анализ причинно-следственного механизма движущих сил экономических процессов. Успехи экономической политики зависят от овладения институциональными факторами, но они занимают мало места в кейнсианском и посткейнсианском подходах [2, р. 27, 28].

Держа курс «против течения», шведский ученый показал абсурдность набиравшего силу в послевоенную эпоху повального и безоглядного увлечения математическими моделями в русле мейнстрима экономикс. Автор скандинавской «экономической саги» придумал блестящий афоризм: «Корреляции – это не объяснения, и кроме того, они могут быть такими же ложными, как и высокая корреляция в течение длительного периода в Финляндии между убитыми лисами и разводами» [2, р. 27].

Вступление мирового хозяйства в эпоху стагфляции обусловило окончание кейнсианского цикла и возникновение очередного кризиса истеблишмента экономикс. Смена «исторических декораций» побудила к размышлению о возможных перемещениях и доминировании новых подходов и концепций на «сцене» экономической науки.

Постигая содержание, логику и закономерности происшедшего, Г. Мюрдаль предпринял попытку обосновать необходимость фундаментальных трансформаций в эволюции экономической мысли с учетом накопленного исторического опыта и новаций.

С точки зрения теории мудрого экономиста-викинга, курс на «стагфляцию», вызванный тенденцией к ускорению инфляции и политической необходимостью не дать ей разгуляться, характеризовался конфликтом между целями: стабильностью покупательной способности валюты, валютным балансом и полной занятостью. Сложившаяся ситуация фундаментально отличалась от времен Великой депрессии, когда конвергенция названных целей была основой реализма применения простого кейнсианского теоретического подхода. Понадобилась сложная теория, способная работать с большим числом институциональных факторов, которыми можно было спокойно пренебречь сорок лет назад. Экономическая наука столкнулась с гораздо более серьезным революционным кризисом фундаментальных исследовательских подходов, чем кейнсианская революция, которая лишь подтвердила и слегка изменила старый «теоретический» подход. Как всегда, под давлением политически важных социальных нововведений ученым пришлось реагировать, перенаправляя исследовательские подходы [2, р. 14, 26].

Активный деятель призывал раздвинуть пределы поприща – предмета исследования экономической науки, «сохранять мужество», чтобы смотреть на вещи шире, лучше осознавать сложную структуру социальных отношений, не ограничиваясь сферой абстрактных «экономических» факторов. Переориентация экономической науки в институциональном направлении подразумевала, что в социальных науках помимо специализированных исследований полезны исследования междисциплинарные [2, р. 15, 16].

Аргументация в пользу возвращения институционального подхода в корпус теоретико-методологического инструментария экономической мысли побудила к еще более фундаментальному выводу о целесообразности возвращения экономической науке ее первоначального названия «политической экономия».

Шведский ученый «личным заявлением» подчеркивал, что выбор направления исследований – надлежущая задача для экономистов. На протяжении двух столетий экономическая теория была «политической» наукой, в правильном смысле этого слова. Мы все были разработчиками планов («planners»), даже те из нас, кто выступал за невмешательство государства в экономику.

Как бы детально и конкретно мы ни занимались микро-проблемами, мы никогда не боялись становиться на макроэкономическую точку зрения или формулировать политические предложения для страны или даже для всего мира [2, р. 15]. На фоне мужественного и ответственного участия представителей Стокгольмской школы экономической мысли в государственном регулировании национального хозяйства отчетливо была видна еще одна слабость истеблишмента экономикс – уход от решения практических проблем, прокламирование невмешательства государства в экономику или предпочтение пассивной социально-экономической политики.

В современном обществе институциональные факторы, как правило, вызывают кумулятивную и ускоряющуюся инфляцию, поэтому следует ожидать, что «злая» тенденция к «стагфляции» станет еще более распространенной, лишь на краткое время сдерживаемой «политикой доходов», обычным результатом которой оказывается последующий скачок заработной платы и цен, усиление неравенства, хроническая безработица [2, р. 24, 28].

По мнению скандинавского экономиста, необходим был новый подход к достижению главной цели национальной экономической политики – денежно-кредитного равновесия и стабильной ценности валюты. Страна, проводившая политику стабилизации, должна была предвидеть необходимость ревальвации своей валюты, чтобы устранить страх перед безудержной инфляцией цен и возможной вынужденной девальвацией. Такая переориентация политики предполагала столь же радикальное изменение экономической теории, какое сделал К. Вексель два поколения назад, Дж. М. Кейнс и другие – одно поколение назад, отказавшись от закона Сэя и подразумеваемого им политического намерения не вмешиваться в работу рыночных сил [2, р. 30].

Г. Мюрдаля говорил не только о необходимости разработки альтернативных концепций экономической мысли, но и о критериях верификации и практической востребованности фундаментальных и прикладных научных теорий, о важности выбора личной позиции ученого. Политический климат постоянно и жестко ограничивает горизонт экономистов, но это не освобождает их от ответственности. Они могут оказывать влияние на политический климат, как сам автор «эпического повествования» в прошлом, например, на социальную политику в 1930-е гг. [2, с. 30].

Критический настрой полемизирующего викинга был воинственным, но конструктивным, направленным на решение серьезных насущных проблем. Нижеследующие рассуждения

Г. Мюрдаля, объясняют, почему его монографию «Against the Stream» не зорно нарицать современной скандинавской «Сагой о политической экономии». Экономисты должны опережать свое время, а не только приспосабливаться, с нитьем и менее скучной критикой, к происходящему развитию. Они обязаны отказаться принимать как неизбежность непрекращающуюся инфляцию, которая периодически приводит к росту безработицы и относительной экономической стагнации. Достойное противостояние тенденции нашего времени путем переориентации исследований подразумевается в старом и правильном названии нашей дисциплины: политическая экономия. Это будет означать, в частности, что если нация хочет получить государственные услуги и их быстрое увеличение и улучшение, она должна быть готова сократить свой спрос на частное потребление, особенно на большое количество промышленных товаров, которые менее необходимы, нежели спрос на общественное потребление. Придется учесть, что такое перенаправление спроса предполагает серьезные усилия по улучшению окружающей среды [2, р. 31].

Возвращение экономической науке прежнего, «родного» названия – политическая экономия – подразумевало восстановление ее духовно-нравственного, ценностного измерения. Проблему ценностей в экономической науке и социальной политике шведский ученый рассматривал многоаспектно и ретроспективно. Сполна использовав свои литературные способности, Г. Мюрдаля постарался предложить разносторонние аргументы в обоснование закономерности современной эволюции социально-экономических систем развитых стран и объективной обусловленности их превращения в государства всеобщего благоденствия (благосостояния) во второй половине XX в.

Художественность текста «Саги о политической экономии» демонстрировал изящный авторский пассаж – исходный пункт постановки проблемы: «Я был очарован, узнав, что на протяжении веков великие мировые религии на чисто доктринальном уровне, даже индуизм и великие философии, связанные с этими религиями, были в принципе эгалитарными и, таким образом, одобряли фундаментальную оценку основ современной социальной политики. Почему и как это случилось, что такое озаряющее, идеалистическое видение достоинства отдельного человека, его основного права на равенство возможностей, а также его права на помощь, когда он в ней нуждается, стало развиваться так рано и повсеместно? И как оно пережило столько столетий вопиющего неравенства и угнетения? Я не знаю ответа на эти вопросы» [2, р. 34].

От многовековой истории возникновения религиозно-нравственных начал в духовной жизни человечества повествователь плавно передвигался к аргументам в сфере общественно-политических отношений и идеологии, в области социальных наук. Г. Мюрдаль ощущал, что трудился в великой традиции эпохи Просвещения, которая утверждала и отстаивала идеалы равенства, свободы, справедливости, солидарности, сотрудничества. Скандинавский экономист считал так же, как и классики и первое поколение неоклассических авторов, что экономика – моральная наука в значении, разъясненном Джоном Стюартом Миллем в его ранней работе «Очерки некоторых нерешенных вопросов политической экономии», как обычно называли этот раздел научной мысли еще два поколения назад [2, р. vii].

В XVII и XVIII вв. в западном мире установилась тесная взаимосвязь светских философий естественного права и утилитаризма. Все социальные науки, включая экономику, ответвились от этих философий Просвещения, вобрали в себя и разработали доктрину равенства, предоставили ее теоретические «доказательства». Постепенно создавались условия для эгалитарной социальной политики вследствие изменившейся ситуации в политической власти, когда народные массы получили избирательное право и увеличили силу организаций на рынке труда. Свою роль сыграла серия длительных интенсивных реалистичных эмпирических социальных исследований. Работы К. Маркса, Ф. Энгельса, другие публикации и деятельность в «марксистской» традиции были столь значимыми, как и «новый либерализм», провозглашенный Джоном Стюартом Миллем более ста лет назад. Все эти импульсы по-своему соответствовали доктрине равенства, были основой всех социальных и, в частности, экономических теоретических размышлений начиная с эпохи Просвещения [2, р. 34–37].

«Викинг-бунтарь» не забывал воздавать должную критику оппонентам, упрекая их в нежелании развивать традиции и обогащать наследие мировой экономической мысли. Создатели политической экономии исходили из концепции, что существуют объективные ценности, которые известны и могут быть положены в основу изучения фактов и политических выводов. «Теория благосостояния», разработанная первым поколением неоклассических авторов, имела своим логическим базисом утилитарную моральную философию, которая в свою очередь опиралась на гедонистическую ассоциативную психологию. Современные экономисты истеблишмента сохранили теорию благосостояния от самых ранних неоклассических авторов, но сделали все воз-

можное, чтобы скрыть и забыть свой фундамент – особую и теперь устаревшую моральную философию. Таким образом, им удалось представить то, что кажется аморальной экономической теорией, и они часто гордятся этим и подчеркивают это как «профессионализм» [2, р. vii].

Последовательное раскрытие сюжетной линии «скандинавского политико-экономического эпоса» приводило к рассмотрению современной проблематики и выявлению тенденций происходивших экономических и социально-политических трансформаций. Изменения в обществе, политике и экономике развитых стран во второй половине XX в. создали предпосылки теоретической рационализации преобразований, которая реализовалась во введении в научный оборот концепций и понятий: «новое индустриальное общество», «постиндустриальное общество», «общество изобилия», «государство всеобщего благосостояния (благоденствия)» и т.п. Г. Мюрдаль представил свое оригинальное парадигмальное научное видение, предложил замечательное, содержательное понятие-метафору «созданная гармония» (created harmony).

Автор и главный герой «экономической саги» Г. Мюрдаль объяснил собственное участие в исследовании и практическом формировании новой социально-экономической модели, а также специфику последней. В наше время быстрое расширение социальной политики превратило передовые страны в государства всеобщего благосостояния. Мой опыт исследований и периодического участия в политике побуждает меня видеть в каждой из этих стран удивительную степень соответствия и конформизма при разработке оценок базовой социальной политики. В результате политического развития возникло то, что я назвал «созданной гармонией», в противоположность либеральному предположению о существующей гармонии интересов, которое было основной мышления естественного права и утилитаризма [2, р. 36].

По мнению ученого, совместный выбор общества и государства определяет вектор пути национального экономического развития: эволюцию в направлении большего социального расслоения в результате политики благоприятствования крупному бизнесу и игнорирования интересов широких слоев населения; эволюцию в направлении большего равенства и солидарности посредством государственной политики преодоления социально-экономического неравенства, порождаемого конкурентно-рыночными отношениями. Передовые страны стремились к гармонии интересов хозяйствующих субъектов в процессе многолетнего социально-экономическо-

го реформирования. Созданная организованным обществом гармония регулировала и компенсировала действие рыночных сил, вызывавших дисгармонию, отличалась от порожденной стихией рынка старой гармонии теории экономического равновесия, утилитаризма и естественного права.

Резюме сказанного и оценка перспектив в устах исследователя звучали оптимистично. Г. Мюрдаль рассматривал созданную гармонию – государство всеобщего благосостояния – как нечто большее, нежели просто сложившуюся ситуацию. В динамике оно стало почти неизменной тенденцией. Его дальнейшее развитие может быть замедлено на некоторое время, а иногда даже обращено вспять. Но после такой остановки можно ожидать продолжения этого курса в результате достижения широкого национального консенсуса ценностей политики социально-экономического реформирования [2, р. 39].

Парадигмальный подход скандинавского ученого утверждал нравственное измерение эволюции экономических систем, национальных экономик. Такой вывод следует из постановки проблемы эффективности (продуктивности), соотношения затрат и выгод социальной реформы. Шведский экономист в очередной раз показал себя викингом-ратником, способным мужественно вести свой «научный корабль» против течения теоретической мысли истеблишмента экономикс, доказал эффективность социальных и экономических реформ в развитых странах, завершившихся «созданной гармонией» интересов хозяйствующих субъектов.

Г. Мюрдаль поставил под сомнение и опроверг традиционное абстрактное предположение экономистов классической и неоклассической школ о конфликте между экономическим ростом и эгалитарными реформами, за которые надо обязательно платить высокую цену падения производительности народного хозяйства. До сих пор очень мало эмпирических исследований было посвящено доказательству умозрительной теории об антагонизме между благосостоянием и прогрессом. Почти не было эмпирических исследований даже таких простых «экономических» взаимосвязей, как влияние различных степеней равенства в распределении доходов и богатства на сбережения, производительность труда и эффективность [2, р. 39, 40, 41].

Скандинавский мыслитель поведал о том, как вместе с трансформацией общественно-хозяйственных систем и государственной экономической политики менялись ценностные ориентиры и научное понимание реформаторской деятельности. Политика эгалитарных реформ в развитых странах возникла и получила импульс

к расширению масштабов после Первой мировой войны. На начальном этапе господствовало традиционное мнение о том, что за эгалитарные реформы нужно заплатить цену снижения темпов экономического прогресса. Реформы регулярно утверждались ради достижения большей социальной справедливости. Широкое признание значимости этой ценности создало политические условия для проведения через парламенты реформ, которые стали считаться достойными их цены. Только в странах, которые стали наиболее развитыми как государства всеобщего благоденствия, и только в последнее время возникла идея о том, что реформы благосостояния, вместо того чтобы быть дорогостоящими для общества, закладывают основу для более устойчивого и быстрого экономического роста. Исторически эта идея оказалась запоздалой [2, р. 40–41].

История свидетельствует, что с национальной точки зрения социальные реформы были скорее инвестицией в экономический прогресс, чем тормозом. По мере развития государства всеобщего благоденствия политическая и общественная дискуссия пришла к принятию новой альтернативной теории. Изменение в мышлении о результативности реформаторской активности дает толчок к продолжению и ускорению социальных реформ, освобождает реформаторскую деятельность от запретов [2, р. 41].

В жанре скандинавской саги можно интерпретировать обобщающие выводы о характере и результативности социально-экономических преобразований в Швеции с 1930-х по 1970-е гг. Широта охвата событий народной жизни и их нравственно-идеологическая оценка соответствовали традициям эпоса.

Успешность реформирования социальных и политико-экономических отношений в Швеции Г. Мюрдаль объяснял распространением равенства людей, кумулятивным процессом укрепления справедливости и социально-экономической солидарности. Десятилетия форсированных реформ в направлении демократического государства всеобщего благосостояния сделали более насущным вопрос равенства. Технологические и институциональные перемены сопровождалась новыми неравенствами и обостряли старые, и ранее достигнутые успехи поощряли стремление к дальнейшим реформам. В Швеции население имеет относительно равные высокие доходы, сформировалась организация рынка труда, которая минимизирует трудовые конфликты, сложились рациональные политические отношения между экономическими и социальными группами. Нация оказалась готовой к сокращению спроса на частное потребление ради увеличения

и улучшения получаемых государственных услуг. Признание правомерности большего равенства смягчало стремление к росту доходов и облегчало урегулирование интересов всех социальных групп. Введение прогрессивной системы налогообложения сопровождалось эффектом перераспределения и повышением обременения среднего класса. Социальные реформы не препятствовали росту национальной экономики. Проблема равенства охватывала все социальные отношения и была взаимосвязана с производительностью экономики. Перераспределение доходов в пользу малообеспеченных и многодетных семей было производительным, особенно если социальные блага предоставлялись в натуральной форме, в частности, в здравоохранении и образовании и во многих других областях современной политики социального обеспечения [2, р. 13–14, 30–31, 41–43].

Специфику модели «шведского социализма» определил перенос акцента реформирования с производства на распределение и потребление, сосредоточение государства на макроэкономическом регулировании. Вопреки старой социалистической доктрине, предлагавшей социализацию финансов и крупной промышленности, в развитых государствах всеобщего благоденствия происходила социализация потребления. Шведские социал-демократы провели масштабные социальные реформы, расширили контроль, защищающий общественные интересы в развитии экономики, но не национализировали промышленность и торговлю. В Швеции бизнес остался в частных руках больше, чем в США с их непоколебимой верой в частное предпринимательство [2, р. 42].

Результаты эгалитарного социально-экономического развития Швеции в условиях социалистического реформирования Г. Мюрдаль оценивал высоко. Сорок лет ускорившихся социальных реформ в Швеции обеспечили быстрое развитие государства всеобщего благоденствия, не остановили экономический рост и ознаменовались хозяйственными достижениями. С экономической точки зрения, страна достигла уровня, который не на много ниже, а, может быть, и выше уровня Соединенных Штатов. Впечатляющему экономическому развитию способствовали и другие факторы – политика полной занятости и свободной торговли, идеальная организация рынка труда и прочие условия, события и удачи. Замечательный экономический прогресс подтвердил новую теорию о том, что комплексные социальные реформы были эффективными, не сдерживали экономический подъем. В снижении темпов роста шведской экономики в 1970-х гг.

были виноваты не социальные реформы. Неудачи макроэкономической политики в условиях «стагфляции» мировой экономической конъюнктуры стали причиной возникновения тенденции к стагнации, которая настигла Швецию [2, р. 9, 42–43]. Макроэкономическая динамика не поколебала ценностных основ созданной гармонии государства всеобщего благоденствия, которые получили практическое подтверждение и воплощение в самоотверженном труде шведского народа, достойном эпического повествования.

Обсуждая проблему ценностей, автор современной скандинавской «Саги о политической экономии» украсил ее великолепной метафорой: «экономика – нравственная наука». Без ложной скромности Г. Мюрдаль писал: «Я показал, ... что во всех экономических исследованиях есть необходимость от начала и до конца работать с явными ценностными предпосылками. Когда ... во многих областях исследований я попытался применить это понимание и работал над порядком изложения моих ценностей и обоснованием их выбора, я восстановил характер экономики до нравственной науки. Выводы экономической политики могут быть рационально выведены из этих ценностных предпосылок и факты установлены с точки зрения тех же ценностных предпосылок» [2, с. vii, viii]. Стало быть, экономическая теория (политическая экономия) обязана быть нравственной.

Заключение

Завершая научный обзор книги «Against the Stream. Critical Essays on Economics», следует констатировать, что Г. Мюрдаль предложил альтернативную мейнстриму современного либерально-рыночного фундаментализма парадигму, обосновал объективную обусловленность и необходимость возвращения экономической науке искомого наименования политической экономии.

Заявленная как научная мемуаристика, публикация в высокохудожественной форме изобразила почти полувековой жизненный путь викинга-экономиста с 1920-х до 1970-х гг., на протяжении которого автор Г. Мюрдаль представал поочередно в ролях наблюдателя, участника и повествователя. Интерпретация научной монографии в стиле скандинавской «Саги о политической экономии» добавила множество весьма интересных деталей, суждений, пояснений, которые содержательно дополнили теоретико-методологический подход, показала возможность изучать, исследовать и излагать историю экономической мысли в привлекательном литературном стиле без ущерба для глубины и полноты приобретаемого знания.

Вскоре после выхода в свет монографии «Against the Streams» Г. Мюрдаля объявили лауреатом Нобелевской премии 1974 г. по экономическим наукам «за основополагающие работы по теории денег и экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений». Ученый удостоился столь высокой награды за оба своих личных выбора – теоретическую и институциональную экономику; причем он получил звание Нобелевского лауреата вместе со своим идеологическим и концептуальным оппонентом-антагонистом Ф. Хайеком. Собственной жизнью, а не только публикациями Г. Мюрдаль доказал необходимость личного выбора и возможность формирования альтернативных направлений экономической теории. Присуждение Нобелевской премии – заслуженное вознаграждение автора и главного героя современной скандинавской «Саги

о политической экономии», вполне соответствующее традициям спокойного и доброго окончания произведений народного эпоса.

Список литературы

1. *Рязанов В. Т.* Современная политическая экономия : перспективы неомарксистского синтеза. СПб. : Алетейя, 2019. 436 с.
2. *Myrdal G.* Against the Stream. Critical Essays on Economics. London : Palgrave Macmillan, 1973. 336 p.

References

1. *Ryazanov V. T.* *Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza* [Modern Political Economy: Prospects of Neo-Marxist Synthesis]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2019. 436 p. (in Russian).
2. *Myrdal G.* *Against the Stream. Critical Essays on Economics*. London, Palgrave Macmillan, 1973. 336 p.

Поступила в редакцию 17.05.2021, после рецензирования 25.05.2021, принята к публикации 27.05.2021
Received 17.05.2021, revised 25.05.2021, accepted 27.05.2021